

Е.Ю. Дубровская

**РУССКИЕ В ФИНЛЯНДИИ
В XIX — НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ:
ВОЕННЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ**

По наблюдению Ю.М. Лотмана, который отмечал «принципиальный семиотический полиглотизм любого города», город как генератор культуры и сложный семиотический механизм «может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов», принадлежащих разным языкам и разным уровням. «Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации»¹.

«Город, как и культура, — пишет Лотман, — механизм, противостоящий времени», он постоянно заново рождает свое прошлое, «которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно», ведь «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого»².

Такой подход позволяет исследовать город Гельсингфорс (Хельсинки), столицу автономного в составе российского государства Великого княжества Финляндского, как особое пространство и как идею. Городское пространство Гельсингфорса можно представить в качестве одного из аспектов той реальности, в которой на рубеже XIX–XX вв. и в период Первой мировой войны оказались военнослужащие российской армии и Балтий-

ского флота. Однако прежде чем рассматривать факторы, обусловившие специфичность восприятия «центра» и «периферии» города российскими военными в начале XX столетия, следует перенестись в русский Гельсингфорс XIX в., когда формировалась государственная и имперская символика новой столицы Финляндии³.

Гельсингфорс, основанный в 1550 г. родоначальником шведской королевской династии Густавом Ваза, призван был играть роль противовеса эстонскому Таллину, набиравшему силу на южном берегу Финского залива и входившему в Ганзейский союз⁴. В 1820-е годы он строился как город, уже не связанный с памятью о шведском прошлом, а к концу XIX в. сам стал символом имперской власти в Великом княжестве, противопоставленным прежней древней столице⁵. В его архитектуре и планировке имперская и административная символика поддерживали друг друга и должны были напоминать российским военным о могуществе и величии государства, на страже которого они стояли здесь, в Финляндии, прикрывая с моря столицу империи⁶.

Однако падение Свеаборгской крепости в мае 1808 г. во время последней русско-шведской войны 1808–1809 гг.⁷ все-таки не было изначальной отправной точкой в истории российских войск в Финляндии. В Выборгской губернии, уже сто лет принадлежавшей империи, со времен побед Петра I в Великой Северной войне стояли российские войска, вносявшие оживление в повседневную жизнь поначалу немногочисленной русской диаспоры и местного населения⁸. Русские владели частью крупных предприятий, строили церкви, лазареты, развивали торговлю и ремесла. В первой половине XVIII в., когда земли на Карельском перешейке стали раздаваться во владение русским сановникам и прежде всего царским приближенным, сюда были переселены их крестьяне из ряда центральных губерний⁹. Так на перешейке обосновались бывшие крепостные из костромских, череповецких, ярославских помещичьих владений¹⁰.

В начале 1812 г. т.н. «Старая Финляндия» — земли Карельского перешейка и Приладожской Карелии, отошедшие к России в результате Великой Северной войны, вместе с частью Юго-Восточной Финляндии, включенной в состав империи после русско-шведской войны 1741–1743 гг., которую вел шведский король Густав III со своей кузиной, российской императрицей Екатериной II, — была воссоединена с остальной территорией Финляндии в границах Великого княжества¹¹. После этого в гарнизонных городах Финляндии, где размещались царская администрация и российские воинские части, стали появляться русские офицеры, чиновники, священники и их

семьи. Заметную роль в жизни Финляндии играли русские купцы, начавшие свою деятельность в Великом княжестве с обслуживания русских гарнизонов и семей русских офицеров и чиновников¹².

Так, основатель известнейшего пивоваренного завода купец и подрядчик Н.П. Синебрюхов, первым начавший промышленное производство пива в странах Северной Европы, был уроженцем Владимирской губернии. В детстве вместе с родителями, сестрами и братьями он переехал в Юго-Восточную Финляндию, где в конце XVIII в. его отец Петр Синебрюхов организовал квасоварню при гарнизоне в Роченсалме для излечения солдат от цинги. Когда по окончании русско-шведской войны 1808–1809 гг. роченсалмский гарнизон переместился в Свеаборг, Николай Синебрюхов открыл в крепости торговлю для нужд военных¹³.

По данным первой ревизской переписи в 1719 г., удельный вес русско-го населения в отношении к общему числу жителей Выборгской губернии составлял 0,08 %, а в конце XVIII столетия, в 1795 г., уже 0,3 %. Ко времени X ревизии 1858 г. он увеличился до 10 %, тогда как для всей Финляндии этот показатель соответствовал 2,1 %. Если в Куопиоской губернии (Восточная Финляндия) удельный вес русских в середине XIX в. оказался выше среднего — 3,2 %, то в столичной Нюландской губернии (Уусимаа) на южном побережье княжества — 0,4 % и всего 0,05 % на западном среди шведоязычного населения Абоской губернии¹⁴.

До начала Крымской войны 1854–1856 гг. русским форпостом оставались Аландские острова, где строились крупные крепостные укрепления, а численность русского населения вместе с военнослужащими гарнизона доходила до 10 тыс. человек¹⁵. В целом же к этому времени общая численность русских военных в Финляндии была незначительной и не превышала 12 тысяч¹⁶. Если до Крымской войны в княжестве обычно находилось двенадцать русских линейных батальонов, то в ходе кампании к ним были добавлены гренадерский полк, казачий дивизион, гвардейская и отдельная артиллерийская части, а общая численность русских войск увеличилась до 70 тыс. человек¹⁷. После заключения мира вновь прибывшие части были выведены из Финляндии, и до начала XX столетия численность русских военных не превышала здесь 10 тыс. человек, за исключением 1863 г., когда во время Польского восстания их количество увеличилось до 16 тыс. человек¹⁸.

Из общего числа русского и русскоязычного населения империи в середине XIX в. в Финляндии проживал 0,1 %¹⁹. Разумеется, большинство русских притягивала финляндская столица Гельсингфорс. Однако, к примеру,

в г. Вильманстранде (Лаппеенранта) в Восточной Финляндии в 1880 г. русских уроженцев было почти 10 %, а пятая часть населения города считала русский язык родным²⁰. По данным Первой всероссийской переписи 1897 г., в общей численности финляндского населения к концу столетия удельный вес русских снизился до 0,4 %, в 1917 г. — до 0,3 %, и в 1926 г. — до 0,2 %. В Улеборгской губернии на севере Эстерботнии (Похьянмаа) в 1897 г. русские составляли 0,5 %, в Выборгской губернии по сравнению с 1897 г. их удельный вес в 1917 г. незначительно увеличился с 1,1 % до 1,2 %, тогда как в Нюландской губернии снизился с 0,8 % до 0,1 %²¹.

Гельсингфорс, как и российская столица, становился городом, населенным людьми разных национальностей. Помимо русских среди мигрантов из России встречались уроженцы прибалтийских губерний, поляки, евреи, татары, цыгане, немцы и другие, прибывшие сюда вместе с российскими войсками. Русские составляли наиболее многочисленную этническую группу. В конце XIX в. **русский православный приход в Гельсингфорсе** насчитывал до 1500 человек, в 1910 г. — 2406 человек, из которых «постоянными» местными прихожанами были 513 человек, а 1899 человек не являлись гражданами Финляндии. В 1900 г. в Великом княжестве Финляндском проживало 6000 русских, преимущественно в Гельсингфорсе и Выборге, что составляло не более 0,22 % всего населения Финляндии, насчитывавшего тогда 2 млн 700 тыс. человек²².

Началом общественной жизни русского населения Великого княжества, которая к XX в. достигла замечательного расцвета, стал период строительства школ и церквей при гарнизонах, продолжавшийся целое столетие²³. Здесь открывались русские школы, в столице работал театр, издавались русские газеты²⁴. Помимо оседлого русского городского населения на территории Финляндии временно находились чиновники, рабочие, прислуга из России. Карельский перешеек, ставший центром культурной жизни, притягивал российскую интеллигенцию, особенно петербургскую, имевшую здесь дачи²⁵. В начале XX в. в период дачного сезона в г. Териоки (совр. Зеленогорск), могли, например, приезжать до 90 000 человек, хотя еще накануне Первой мировой войны в княжестве постоянно проживало лишь 8000 русских подданных²⁶. Со временем дачное строительство развивалось и расширялось, наиболее густо заселялись приграничные районы — Териоки, Уусикиркко, окрестности Выборга и побережье Финского залива²⁷. В XIX столетии представители высшего финляндского общества поддерживали многочисленные контакты с русскими офицерами, общаясь с ними на французском языке. Прислуга же быстро усваивала минимальный

набор русских фраз, достаточный, чтобы объясниться с унтер-офицерами или рядовыми чинами²⁸.

Под влиянием Петербурга город виделся его строителям и как морской порт России, и как «военная столица» княжества, и как центр административного управления краем. Идеал военной столицы, олицетворявшей имперскую власть в Финляндии, требовал, чтобы, подобно Петербургу, «город строился, как полк на параде, по струнке»²⁹. Первоначально войска располагались внутри островной крепости. Но уже в 1820-е годы рядом со Свеаборгским портом на полуострове Катаянokka (Скатуdden) — в одном из районов современного Хельсинки — были построены морские казармы, где находилось большинство военнослужащих за пределами крепости.

В 1823 г. в столицу Финляндии прибыла группа молодых офицеров, направленных в реорганизованный Отдельный Финляндский корпус. О праздничной беззаботной атмосфере, отличавшей их тогдашнюю жизнь в Гельсингфорсе, свидетельствуют дневниковые записи двадцатитрехлетнего Александра Муханова, ставшего адъютантом нового генерал-губернатора А.А. Закревского³⁰. Увлеченный Авророй Шернваль, падчерицей одного из высших финляндских сановников Карла Йохана Валлеена³¹, автор заносит в дневник свои впечатления от зимней прогулки в ее обществе. Записи датированы как по новому стилю (по которому жила Финляндия со времен «шведского» периода своей истории), так и по старому.

«3/15 Января. Утро проходит в хлопотах; бегаю по лавкам и по визитам... рвусь от нетерпения. Едут! Становлюсь за сани, за коими уже стоит брат. Едем в Свеаборг; счастье мое продолжается, я от него задыхаюсь! Дорогой кусок льду прилетает в нос кучеру, который разбивает в кровь; его становятся назад, я сажусь кучером и мчусь по заливу с моим счастьем. Въезжаем в крепость; к кучеру с белым султаном выбегают караулы вон; мы помираем все со смеху. Опять становлюсь на запятки; объезжаем крепость; возвращаемся в город, который тоже мигом облетаем»³².

Картина повседневной жизни нижних чинов, разумеется, выглядела более прозаичной. Гельсингфорс был тогда маленьким провинциальным городком с немощеными улицами, которые в темное время освещались тусклым светом фонарей с сальными свечами у ворот каждого дома. Вход в деревянные одноэтажные городские здания вел не с улицы, а со двора. Из окон можно было видеть, как по заливу летом катались на парусных лодках, а зимой — на коньках³³.

Занятия русских купцов первоначально были связаны с торговлей удовольствием. Первыми русскими, начавшими торговлю в Гельсингфорсе,

стали жены офицеров, продававшие выпечные изделия не только на территории гарнизона, но и за казарменными воротами. Разносной торговлей занимались и отслужившие свой срок в армии солдаты³⁴. Многие из маркитантов Свеаборга, самые состоятельные и гибко приспособившиеся к рынку, вскоре поселились в Гельсингфорсе, сделавшись respectable жителями. Наиболее крупными из основанных ими предприятий стали сахарный завод Федора Киселева в предместье Тёёлё и винный завод и пивоварня Синебрюхова в Хиеталахти. К концу 1830-х годов шестеро русских купцов входили в десятку наиболее зажиточных жителей великокняжеской столицы³⁵.

Вместе с военными русские предприниматели и гражданское население пришли и в финскую глубинку. Представители первых поколений, как правило, были малообразованными сельскими жителями, но, сумев приспособиться к новым условиям, давали возможность своим детям получить более высокое образование и стать горожанами³⁶.

В середине XIX в. русские купцы составляли почти 40 % торговых предпринимателей Гельсингфорса, а в Выборге на их долю приходилось больше половины³⁷. Для того чтобы открыть в городах постоянную торговлю, гарнизонные маркитанты должны были прожить в Финляндии шесть лет, после чего можно было рассчитывать на получение прав бюргеров и финляндского гражданства. Мелкие бюргеры владели домами, садоводствами и огородами, мебельными, книжными и текстильными магазинами³⁸. Издавна горожанам были известны русские мороженщики. Жители финляндской столицы сохранили относящиеся к началу XX в. детские воспоминания о том, что в начале века у них покупали для ребят «первомайское мороженое», помещавшееся «между двух вафель»³⁹.

Помимо торговли съестными припасами и организации общественного питания русские занимались извозом и содержанием постоянных дворов, что было особенно востребовано с притоком в города военных и русских строительных рабочих. Купцы стали брать строительные подряды, финансировали сооружение дорог и административных зданий, церквей, казарм, благоустройство площадей и ремонт мостов. Возникли целые купеческие династии, славившиеся благотворительной деятельностью, многие русские купцы со временем стали заметными общественными деятелями. Русские предприниматели занимались, в частности, страховым делом. Предпринимательство развивалось не только в финляндской столице, но и в крупных гарнизонных городах — Лаппеенранта (Вильманstrand), Хямеенлинна (Тавастгус), Ловиса, Куопио и др.⁴⁰

Частью архитектурного облика гарнизонного города и монументальным выражением могущества империи стали казарменные строения. В годы правления Александра I и Николая I был реализован план строительства Гельсингфорса, который ставил целью с помощью архитектурных образцов формировать «государственное сознание» финляндцев. Он включал в себя создание ансамбля Сенатской площади, возведение казарм и других общественных сооружений⁴¹. Ансамбль площади формировался с 1818 г. почти полвека, включив здания Императорского Сената и Императорского Александровского университета (канцлерами университета были русские монархи), а также находящуюся чуть поодаль старейшую православную церковь Гельсингфорса — храм Святой Троицы.

До сооружения в 1827 г. Свято-Троицкого храма православные горожане для совершения религиозных треб обращались к священнику полковой церкви Петровского пехотного полка, стоявшего в Гельсингфорсе после французского похода 1817 г. Небольшая госпитальная церковь, рассчитанная только на нужды больных и едва вмещавшая полсотни человек, не могла тогда удовлетворить все православное русское население, как и маленькая военная церковь в Свеаборге, куда нужно было добираться на гребной шлюпке. По свидетельству И.Н. Куркимиеса, исследователя истории православных храмов Гельсингфорса, «когда Петровский полк заменили 45-м Егерским полком, то здание церкви, пришедшее в ветхость, не возобновляли, церковь закрыли, а иконостас и все имущество вывезли в г. Николайштадт (Вааса), где еще не было своего православного храма»⁴².

Генерал-губернатор А.А. Закревский оказал содействие православным горожанам в изыскании средств на составление проекта и строительство нового храма в финляндской столице. Проект, составленный архитектором Карлом Энгелем, получил одобрение Святейшего Синода и был высочайше утвержден в том же 1825 г. «28 апреля 1825 года, — пишет Игорь Николаевич Куркимиес, — генерал-губернатор граф Закревский положил первый камень в фундамент после молебствия, совершенного свеаборгским протоиереем о. Иоанном Киприановым в сослужении с находившимися тогда в городе священниками 45-го Егерского и Вильманstrandского пехотных полков о. Саввой Андруцким и о. Петром Хмельницким»⁴³. Подряд на строительство храма взял советник коммерции Е.И. Ушаков вместе с купцом Н. Коростылевым, приехавшим в Гельсингфорс еще в 1810 г. Основатель известной предпринимательской династии Егор (Георгий) Ушаков впоследствии был утвержден первым старостой Свято-Троицкой церкви, а его сын Александр участвовал в строительстве университета⁴⁴.

Финансирование строительства главного здания Финляндского Сената, начатого в 1818 г., взял на себя брат Н. Коростылева Иван. Николай Коростылев руководил сооружением таких значимых для «государственного самосознания» финляндцев зданий, как Сенат и лютеранский Николаевский (Никольский) кафедральный собор⁴⁵. Лютеранский храм, напоминающий Исаакиевский собор в Петербурге, возвышается над Сенатской площадью с 1852 г.

В 1820-х годах в городском районе Круунунхака появились казармы для жандармских и казачьих войск, строительством которых занимался русский купец Федор Киселев. В 1830–1833 гг. купец Николай Синебрюхов взял подряд на строительство Абоских казарм⁴⁶ на тогдашней окраине города вблизи дороги, ведущей в направлении старой финляндской столицы (частично сохранились в комплексе зданий современного автовокзала в Хельсинки).

Самым значительным среди гражданских зданий, возведенных в Гельсингфорсе при участии военных инженеров, стал основанный в 1868 г. по распоряжению генерал-губернатора Н.В. Адлерберга Александровский театр, призванный удовлетворять культурные запросы русского населения. В 1870-е годы в городе помимо офицеров и нижних чинов, находившихся в гарнизонах, насчитывалось 3800 русских — военных, торговцев, чиновников, что составляло около 12 % от общего числа жителей Гельсингфорса⁴⁷. Новое здание, построенное в 1880 г., получило название Русский Александровский театр в честь Александра II. **Разработкой чертежей** занимались, в частности, начальник Свеаборгского инженерного управления подполковник Петр Бенард и полковник Кошперов⁴⁸. Руководил работами по строительству театрального здания на Бульварной улице (Булеварди) начальник инженерных войск Финляндского военного округа генерал-майор М. Фролов.

В конце XX в. на Сенатской площади установили памятник Александру II, **чье правление было отмечено расширением автономных прав Великого княжества и повышением статуса финского языка.** Автор памятника Вальтер Рунеберг, сын известнейшего поэта Йохана-Людвига Рунеберга, изобразил императора в форме офицера Финляндской гвардии, которую он всегда носил, приезжая в Великое княжество. Александр II запечатлен во время произнесения речи на заседании сейма, сословного представительства финляндцев, в 1863 г., когда впервые после многолетнего перерыва депутатам законодательного органа автономного княжества было разрешено собраться.

На церемонии торжественного открытия памятника, состоявшегося 29 апреля 1894 г., в день рождения императора по новому стилю, присутствовали представители трехсот российских городов и сельских приходов, которые возложили цветы к монументу. С этого времени Сенатская площадь с памятником Александру II стала традиционным местом «тихих» протестных действий сторонников финского национального движения. Сюда приносили букеты, памятник изображали на плакатах и открытках, его фотографию, помещенную в рамку, хранили дома.

Через пять лет после открытия монумента, в 1899 г. был принят «Февральский манифест» Николая II о предоставлении права российскому правительству издавать законы без согласия сейма, что ознаменовало начало похода имперской власти против финляндской автономии. После опубликования манифеста, в основе которого лежали военные задачи Российской империи, у памятника состоялась демонстрация протеста. Ее проведение было назначено на 13 марта (1 марта по ст. ст.) — день убийства «царя-освободителя».

В начале XX в. именно здесь проходили «сходки у памятника Александра II» — демонстрации финляндцев против мер по ограничению автономных прав Великого княжества, принимавшихся генерал-губернатором Н.И. Бобриковым. В апреле 1902 г. генерал-губернатор послал на Сенатскую площадь казаков для разгона демонстрации финнов, протестовавших против ограничения автономных прав Великого княжества, в частности против призыва в российскую армию. Генерал-губернатор спровоцировал невиданное обострение конфликта между финляндским населением и имперской властью, и в 1904 г. стал жертвой террористического акта⁴⁹.

Комплекс улиц и архитектурных сооружений центра финляндской столицы, отмеченных имперской символикой, дополнял архитектурный ансамбль, иллюстрирующий «конституционный период» в истории Финляндии (1860–1890-е годы). По наблюдению М. Клинге, к таким государственным зданиям в районе Николаевской улицы (сегодня носит имя Снельмана) следует отнести здание Финляндского банка, Государственного (ныне Национального) архива и Дом сословий⁵⁰. Последний был построен в 1891 г. для собраний недворянских депутатов финляндского сейма (до 1906 г. сейм состоял из четырех палат и сохранялся таким, каким он был в «шведский» период финляндской истории).

Итак, к началу Первой мировой войны Финляндия сохраняла многие атрибуты собственной государственности: свое правительство (сенат) и однопалатный парламент (сейм), свои законы, денежную систему, почту,

систему органов управления. В то же время Российский император в качестве Великого князя Финляндского выступал с законодательной инициативой, обладал правом созыва сейма и исключительным правом решения вопросов внешней политики и обороны. Представителем верховной власти в Финляндии был назначавшийся императором генерал-губернатор, который одновременно являлся председателем Финляндского сената⁵¹. Начиная с рубежа XIX–XX вв. **отношение финнов к имперской власти стало меняться**. Отчасти это связано с ростом национального самосознания, а также с экономическим подъемом Великого княжества⁵², укреплением его автономии и последовавшим затем широкомасштабным наступлением имперских властей на политические свободы и автономные привилегии княжества⁵³.

Важным фактором, повлиявшим на изменение отношения финляндцев к российской власти, стал роспуск национальных военных формирований Великого княжества. Их комплектование проводилось в соответствии с принятым сеймом законом о всеобщей воинской повинности 1878 г. Однако и после того, как в 1881 г. закон вступил в силу, оборона Финляндии в значительной степени оставалась делом русских войск, расквартированных в княжестве⁵⁴. В 1901 г. Николай II, **желая унифицировать управление**, распорядился упразднить финляндские войска. Государственный совет принял закон о прохождении жителями княжества военной службы в русских частях. Это нарушало законодательные права финляндского сейма, который даже не получил законопроект на рассмотрение. Протест финляндской молодежи, не являвшейся на призывные участки, привел к тому, что в 1905 г. подданные княжества были полностью освобождены от обязанности служить в российской армии. В обмен на это Финляндия выплачивала значительную денежную компенсацию, т.н. «военные миллионы», в российский бюджет на нужды обороны империи⁵⁵.

Отныне задачи защиты территории Великого княжества выполняли исключительно российская армия и флот, и под финляндскими войсками стали пониматься дислоцированные здесь армейские соединения, а также военно-морские силы, базировавшиеся на побережье Финского и Ботнического заливов Балтийского моря. В 1905 г. Финляндия была включена в состав Петербургского военного округа. На ее территории происходило развертывание 22-го армейского корпуса, численность которого к началу войны составила 35–40 тыс. человек⁵⁶. В 1914 г. в него входили 16 финляндских стрелковых полков, расположенных вдоль южного побережья Финляндии, а также во внутренних районах и в северных городах княжества⁵⁷. К началу мировой войны присутствие российской армии на территории ав-

тономии воспринималось финляндским общественным мнением как часть политики русификации в Великом княжестве⁵⁸.

Тем не менее в годы Первой мировой войны и особенно с началом российской революции 1917 г. русские войска в Финляндии не всегда были послушным орудием центральной власти⁵⁹. Из-за особого положения княжества, сохранявшего известную свободу от общерусских административных органов, в гарнизонах в Финляндии было велико влияние социалистических партий. Их члены в меньшей степени подвергались преследованиям, чем на других участках фронта и прифронтовой полосы. Это влияние еще более усилилось с началом революции, газеты социалистических партий легко проникали в гарнизоны из соседнего Петрограда. Часто левые социалисты выступали за расширение финляндской автономии и против попыток использовать войска для проведения репрессивной политики.

В заключение следует отметить, что в период Первой мировой войны имели место как конфликты между российскими военными и населением Финляндии, так и взаимодействие. Весной — осенью 1917 г. одновременно с нараставшим движением финляндцев за все большее расширение автономных прав бывшего княжества происходило левение солдат и матросов, чему способствовала общая ситуация в Финляндии. В свою очередь, и военнослужащие, преследовавшие собственные цели в революции, влияли на радикализацию социальных движений и национальных устремлений финляндцев, участвуя в их политических акциях и обещая поддержать силой выдвинутые ими требования. Содействуя революционной радикализации, русские гарнизоны часто непреднамеренно способствовали росту национального движения в Финляндии и этим ускорили достижение независимости страны в декабре 1917 г.

В обстановке, когда одних вдохновляла поддержка российских военных, а другими руководил страх перед угрозой насилия с их стороны и ростом преступности в рядах «демократизировавшихся» армии и флота, неизбежно становилась более радикальной и тактика финляндцев, которые добивались независимости.

* * *

¹ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 212–213.

² Там же. С. 213.

³ Luntinen P. Sota Venäjällä — Venäjä sodassa. Helsinki, 2008. S. 263.

⁴ Хяккинён И., Цеттерберг С. Финляндия вчера и сегодня: Краткий исторический очерк. Йошкар-Ола, 1997. С. 59.

⁵ Из записок Карла Энгеля // Воспоминание о Гельсингфорсе: историко-литературный очерк / Под ред. Л. Коль. Helsinki: LiteraruS, 2011. С. 21–22; *Клинге М.* Имперская Финляндия / Пер. с фин. И. Соломеща, В. Мусаева, А. Рупасова. СПб., 2005. С. 15–56; *Расила В.* История Финляндии / Пер. с фин. Л. Суни. Петро-заводск, 1996. С. 64–65; *Хяккинен И., Цеттерберг С.* Финляндия вчера и сегодня. С. 72.

⁶ Подробнее об этом: *Дубровская Е.Ю.* Столица Великого княжества Финляндского Гельсингфорс в восприятии российских военнослужащих в годы Первой мировой войны // Скандинавские чтения 2004 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2006. С. 191–199.

⁷ *Суни Л.В.* Великое княжество Финляндское. Первые шаги автономии. Петро-заводск, 2009. С. 5–7.

⁸ *Куяла А.* Финляндия в Северной войне 1700–1714 гг.: экономические и социальные предпосылки войны и завоевание Финляндии. Финские исторические труды, касающиеся Северной войны // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв.: Мат-лы рос.-фин. симпозиумов историков. М., 2006. С. 113–135; *Проскуракова М.Е.* К истории формирования российской армии эпохи Петра Великого: опыт исследования офицерских именных списков Выборгского гарнизонного полка // Вестник РУДН. Серия «История России» 2009. № 6. С. 236–241.

⁹ *Baschmakoff N., Leinonen M.* Из истории и быта русских в Финляндии. 1917–1939 // *Studia Slavica Finlandensia VII.* Helsinki, 1990. С. 6–7.

¹⁰ *Головин В.В.* Русские старожилы Финляндии // Живая старина. 1997. № 1. С. 24–26.

¹¹ *Paaskoski J.* Vanhan Suomen liittäminen suuriruhtinaskuntaan // *Suomi ja Venäjä 1808–1809 / Toim. T. Vihavainen, A.N. Saharov.* Helsinki, 2010. S. 121–129.

¹² *Мусаев В.И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 57–59; *Шенишина В.А.* Русское купеческое общество в г. Гельсингфорсе // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сб. ст. СПб., 2000. С. 58–59.

¹³ *Карпинская Т.И.* Синебрюхов — это звучит гордо // Вестник. 1994. № 12. С. 6.

¹⁴ Русские в мире. Вып. 2. М., 1991. С. 68 (данные таблицы).

¹⁵ *Погребов С.* Страницы семейного альбома свеаборгских старожилов // *Literarus* — Литературное слово. 2008. № 3. С. 51; *Туркельтауб С.В.* Аланды в войнах и мире. Або-Аланды и их «ненарушаемый» нейтралитет в войнах XVIII–XX столетий: по документам российских архивов и историческим изданиям. СПб., 2008. С. 93–96.

¹⁶ *Närhi M.* Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana // *Venäläiset Suomessa: 1809–1917.* Historiallinen Arkisto. Helsinki, 1984. No. 83. S. 162.

¹⁷ *Клинге М.* Имперская Финляндия. С. 199.

¹⁸ *Närhi M.* Venäläiset joukot. S. 163.

¹⁹ Русские в мире. С. 69 (данные таблицы).

²⁰ *Räsänen M.* On the Border Between East and West // *Venäläisyys Helsingissa 1809–1917.* Helsinki, 1984. S. 95. Однако с 1880 г. приток русских в Финляндию, как и финнов в Санкт-Петербург, оказавшийся вторым после столицы Финляндии финским городом, стал сокращаться. Причины этого рассмотрены в исследовательской литературе: *Нииронен Я.* Финский Петербург / Пер. с фин. Л. Сташкевич. СПб., 2003. С. 12–14; *Энгман М., Юнгар С.* Переселенческое движение из Финляндии в Россию в 1809–1917 гг. // *Россия и Финляндия (1700–1917): Мат-лы VI советско-финл. симпоз. историков.* Л., 1980. С. 115–138; *Lampinen M.-L.* Russian Influence in Helsinki // *Venäläisyys Helsingissa.* S. 96–97; *Klinge M.* Venäläisyydestä Suomessa // *Venäläiset Suomessa: 1809–1917.* Helsinki, 1984. S. 11–16; *Turpeinen O.* Venäjänkielisten määrä Suomessa vuonna 1900 // *Venäläiset Suomessa.* S. 21–28.

²¹ Русские в мире. С. 68.

²² *Baschmakoff N., Leinonen M.* Из истории и быта русских в Финляндии. 1917–1939. С. 6–7; *Koukkunen H., Kasanko M.* Helsingin ortodoksinen Seurakunta 1827–1977. Helsinki, 1977. S. 17; *Turpeinen O.* Venäjänkielisten määrä. S. 27.

²³ *Lehtonen T.* Pyhän Nikolaoksen kirkko. Nyrylän ortodoksisen sotilaskirkon ja seurakunnan vaiheita. Nyrylä, 1991.

²⁴ К вопросу о положении русских в Финляндии. СПб., 1911; Отчет о первых педагогических курсах для учащихся русских начальных училищ Великого княжества Финляндского летом 1914 г. в Выборге. Выборг, 1916; *Леонтьев В.И.* Православное приходское попечительство в Гельсингфорсе 1870–1910. Гельсингфорс, 1920; *Леонтьев П.* 25-летие Александровской гельсингфорсской мужской гимназии. Гельсингфорс, 1895; Русское начальное училище в имении Мариоки Выборгской губернии. Пг., 1915; Русское приходское попечительство в Гельсингфорсе. Гельсингфорс, 1910. (1870–1910); *Сойна Е.Г.* Русско-финские литературные связи начала XX века. Петрозаводск, 1998; *Шенишина В.А.* Русские школы в Гельсингфорсе // *Воспоминание о Гельсингфорсе.* С. 168–174; *Byckling L.* Pietarin keisarillisen teatterin näyttelijöitä Helsingissa // *Vänälaset Suomessa.* S. 269–299; *Jussila O.* Venäläinen Suomi. Porvoo, 1983; *Torvinen T.* Venäläiset lehdet Suomessa, erityisesti Finljangskaja Gazeta // *Venäläiset Suomessa.* S. 241–257; *Shenshin V.* Venäläiset ja venäläinen kulttuuri Suomessa. Helsinki, 2008 и др.

²⁵ *Мусаев В.И.* Россия и Финляндия. С. 71–82; *Baschmakoff N.* Динамика локального пространства: репрезентации Карельского перешейка на переломе XIX–XX вв. в мемуарных текстах // *Karelia Written and Sung. Representations of Locality in Soviet and Russian Context / Ed. by P. Suutari, Ju. Shikalov.* Jyväskylä, 2010. С. 250–268; *Hämäläinen V.* Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus ja sen vaikutus Suomen ja Venäjän suhteiden kehitykseen autonomian ajan lopulla. Tampere, 1974.

²⁶ *Räsänen M.* On the Border Between East and West. S. 95–96.

²⁷ Подробнее об этом см.: *Бренев Н.* Русская жизнь в Териоках // *Русский листок в Финляндии.* 1982. № 1. С. 20–21; № 2. С. 22–28; *Финский фронтовик.* Наш

друг — Карельский перешеек // Там же. 1986. № 4. С. 29–34; *Гарднер М.Ф.* Что мне вспомнилось // Там же. С. 35–36; *Шагин В.* Что вспомнилось // Там же. 1987. № 1. С. 16–22; № 3. С. 21–25, 29–33 и др.

²⁸ *Melkko M.* Venäläinen sotaväki Helsingissa // Venäläisyys Helsingissa 1809–1917. Helsinki, 1984. S. 51.

²⁹ *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга. С. 208–220; *Hellberg-Hirn E.* Символика Петербурга: тема пространства // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XIII. 1996. С. 68–88.

³⁰ *Суни Л.В.* Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск, 2013. С. 56.

³¹ *Каллейнен К.* Священные узы бюрократии: высшее чиновничество Финляндии и Россия, 1809–1898 гг. // Два лика России. СПб., 2007. С. 31–32; *Геуст Б.* К двухсотлетию юбилею Авроры Карамзиной — благотворительницы в Финляндии и России // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Мат-лы Десятой междунар. науч. конф. СПб., 2009. С. 361–367.

³² Цит. по: *Шульц С.С.* Аврора. СПб., 2004. С. 27.

³³ *Куркимиес И.* Свято-Троицкому храму — 170 лет // *Русский вестник*. 1997. С. 11.

³⁴ *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Fleet in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997. P. 49–54; *Lampinen M.-L.* Russian Influence. S. 97.

³⁵ *Мусаев В.И.* Россия и Финляндия. С. 58–59; *Hakala M.* Helsingin venäläiset kauppiat ja muut elinkeinonharjoittajat vuosina 1809–1840 // *Venäläiset kauppiat Helsingin historiassa*. Helsinki, 2002. S. 26.

³⁶ *Tynkkynen L.* Wolkoffin talo. Kauppakartano Lappeenrannassa. Jyväskylä, 2001. S. 13, 114.

³⁷ *Baschmakoff N., Leinonen M.* Из истории и быта русских в Финляндии. 1917–1939. С. 7.

³⁸ *Карпинская Т.И.* Синебрюхов — это звучит гордо. С. 6.

³⁹ *Åström A.M., Sundman M.* Hemma Bäst. Minnen från barndomshem i Helsingfors. Helsingfors, 1990. S. 146.

⁴⁰ *Мусаев В.И.* Россия и Финляндия. С. 58–59.

⁴¹ *Клинге М.* На чужбине и дома / Пер. с фин. Л. Суни. СПб., 2005. С. 209.

⁴² *Куркимиес И.* Свято-Троицкому храму — 170 лет. С. 10.

⁴³ Там же. С. 11.

⁴⁴ *Мусаев В.И.* Россия и Финляндия. С. 58.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Мусаев В.И.* Россия и Финляндия. С. 58.

⁴⁷ *Бюклинг Л.* Петербургские артисты на гастролях в Гельсингфорском Русском театре в конце XIX — начале XX века // *Literarus* — Литературное слово. 2003. № 1. С. 41.

⁴⁸ *Pakarinen R.* The Russian Builders of Helsinki // *Venäläisyys Helsingissa*. 1809–1917. Helsinki, 1984. S. 99.

⁴⁹ *Клинге М.* Имперская Финляндия. С. 432–435; *Ошеров Е.Б., Суни Л.В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX веков. Петрозаводск, 1986. С. 52; *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии: 1898–1904. СПб., 1996. С. 225–236; *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Fleet in Finland 1808–1918. P. 173–179; *Zetterberg S.* Viisi laukausta Senaatissa. Eugen Shau-manin elämä ja teko. Keuru, 1988. S. 188–286.

⁵⁰ *Клинге М.* На чужбине и дома. С. 209–212.

⁵¹ *Мейнандер Х.* История Финляндии. М., 2008. С. 126–131; *Суни Л.В.* Великое княжество Финляндское. Первые шаги автономии. Петрозаводск, 2009. С. 67; *Черняев В.Ю.* Петроград и обретение Финляндией государственной независимости // Санкт-Петербург — Хельсинки. Хельсинки — Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2005. С. 89–95.

⁵² *Бобович И.М., Китанина Т.М.* Финляндия: создание основ экономической независимости // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 232–238.

⁵³ Такое ограничение автономных привилегий, осуществлявшееся в 1909–1917 гг., в финляндской историографии принято было характеризовать как второй (последовавший за 1899–1905 гг.) «период угнетения». Позже это явление, вопрос о причинах которого продолжает оставаться дискуссионным, предпочли называть «русификацией», наконец, в современных исследованиях часто употребляется понятие «унификация». *Клинге М.* Имперская Финляндия. С. 318; *Новикова И.Н.* Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.). М., 1997. С. 7; *Расула В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 118–134; *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904. СПб., 1997. С. 247–258; *Ютиккала Э.* История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы: история и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 58–60.

⁵⁴ *Клинге М.* Имперская Финляндия. С. 317–318.

⁵⁵ *Расула В.* История Финляндии. С. 105; *Luntinen P.* Sotilasmiljoonat. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1984. S. 176–180.

⁵⁶ *Ошеров Е.Б., Суни Л.В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX веков. С. 63; *Расула В.* История Финляндии. 136; *Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917). Петрозаводск, 1992. С. 20.

⁵⁷ *Luntinen P.* The Imperial Russian Army. P. 254–255; *Roudasmaa S.* Oulun varuskunnan historia. Kemi: Scripta historica VII, acta societatis ouluensis, 1981. S. 121–122; *Korkama E., Roudasmaa S.* Tapparasta Tankkeihin: Hämeenlinnan varuskunnan historia. Joensuu, 1988. S. 254.

⁵⁸ *Суни Л.В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50–70-е годы XIX в. Л., 1979. С. 96–99; *Suomen historian pikkujättiläinen.* Porvoo; Helsinki; Juva, 1987. S. 545–583.

⁵⁹ См. также: *Дубровская Е.Ю.* Российские военные в Финляндии в годы Первой мировой войны // *Русский сборник. Исследования по истории России.* М., 2015. Т. XVII. Финляндия и Россия. С. 213–230.